

Альберто Мелло

РаШИ и его экзегетический метод¹

РаШИ – аббревиатура от *рабби Шломо бен Ицхак* – еврейский комментатор ТаНаХа XI века. В старые времена его имя расшифровывалось и как *рабби шель Исраэль*, «учитель Израилев» в полном смысле слова, вернее даже «учитель учителей», так как после него не было учителя у Израиля, который читал бы Писание без учета его комментариев. Нет больше дома учения, в котором учитель не прерывал бы чтение, спрашивая себя: а что говорит РаШИ?

Библейские комментарии РаШИ отличаются прежде всего своей простотой, своей максимальной лаконичностью. Нередко его комментарий более короток, чем сам комментируемый текст, для чего действительно надо быть одаренным исключительной проницательностью интерпретатора. РаШИ очень часто хватает единственного слова для направления всей интерпретации. Иначе говоря, РаШИ не объясняет всего, но всегда знает, что объяснять.

Как всякий великий учитель, РаШИ имел учеников, продолжателей, следовавших его методу, его исследованию смысла более простого, более «голого» (*neisham*). Но никто из них никогда с ним не сравнился. Говорил в этой связи один из наиболее известных его учеников, Раббену Там, бывший также его племянником: «Я мог бы попытаться со-

¹ Печается с разрешения автора по изданию: Rashi di Troyes. *Commento al Cantico dei cantici* / Introduzione di A. Mello. Bose: Qiqajon, 1997. Перевод с итальянского: игумен Арсений (Соколов), доктор богословия.

ставить комментарий к Талмуду, как сделал мой дядя, но не комментарий к Библии, как сделал он, потому как был бы не способен».

Никто не получит более определенного представления о еврействе, как читающий Библию через РаШИ. Существует множество методов чтения Библии. Раши создал один из них, который завоевал успех как нормативный для внутреннего иудаизма. Этого более чем достаточно, чтобы говорить о комментариях РаШИ как авторитетнейших.

РаШИ комментирует Библию стих за стихом: начинает с первого стиха и движется вперед. В отличие от других средневековых комментаторов, он не пишет преамбул, а немедленно приступает к содержанию. Имеются, однако, два исключения: его предисловие к комментарию на Бытие, которое носит богословский характер, и более пространный пролог к комментарию на Песнь Песней, скорее методологического характера. Последний, безусловно, вызван некоторой герменевтической сложностью Песни Песней. Песнь Песней – единственная книга Священного Писания, вошедшая в еврейский канон благодаря аллегорической интерпретации, которая была представлена рабби Акибой в Явне: «Все Писания святы, но Песнь Песней – святое святых». И РаШИ, очевидно, разделяет традиционный взгляд: «Все Писания святы, но Песнь Песней – святое святых, поскольку в ней – весь страх Неба, принятие ига Его царства и Его любви». Иначе говоря, любовь, о которой говорит Песнь Песней – это любовь Израиля к своему Богу.

Однако РаШИ имеет иной экзегетический план, и во всех своих комментариях не перестает повторять о том, что необходимо прийти единственно к «определению буквального смысла Писания» (*нешуто шель микра*)¹. Даже для Песни Песней он не делает различия, совершая подлинную революцию относительно традиции. РаШИ первый из еврейских писателей дает буквальную интерпретацию Песни Песней. Он пишет: «Даже если пророки произносили свои

¹ См., напр., комм. к Быт. 3:8; 33:20; Исх. 6:9.

слова в фигуральном смысле, необходимо соотносить фигуру с ее контекстом и порядком, так как шаги Писания следуют один за другим»¹.

Что же РаШИ подразумевает под *нешат* (у него почти всегда – *нешуто*): простой, «голый» смысл текста²? Верно, это еще не буквальный историко-критический смысл, как в современной экзегетике, но смысл «узкий», или адекватный (корень *jshv*), в «контексте» (*ofen*) Писания, приверженность «порядку» (*seder*), в котором слова располагаются в Писании. Все три ключевых слова (*jshv*, *ofen*, *seder*) встречаются в процитированном отрывке, и вместе они определяют, что есть «собственное» значение Писания для РаШИ: его значение не только открыто, но прежде всего «контекстуально»³.

То есть, РаШИ волнует последовательность Писания, последовательность, которой, в общем, не достаёт мидрашам, с их интерпретацией более свободной и не организованной традиционно (*derash*). РаШИ добавляет: «На эту книгу (Песнь Песней. – пер.) можно встретить множество различных агадических мидрашей. Из них некоторые упорядоченно комментируют всю книгу, другие представляют из себя разрозненные агадические комментарии, в которых отрывки Писания остаются несвязанными, и не соответствуют ни способу выражения Писания, ни порядку шагов. Поэтому и решил я в сердце моем придерживаться собственного смысла Писания и прикреплять объяснения по порядку, в то время как традиционные комментарии

¹ Комм. к Песни Песней, пролог.

² Таков смысл *нешат* (или *нешуто шель Микра*) в значении РаШИ. В эпоху Талмуда, напротив, этим термином определялось, скорее, значение «нормативное», в рамках традиции. Ср.: Loewe, R. *The 'Plain' Meaning of the Scriptures in Early Jewish Exegesis* / R. Loewe // *Papers of the Institute of Jewish Studies* / ed. J. G. Weiss. London-Jerusalem, 1964. P. 183.

³ *Ofen*, собственно, значит «способ», но в экзегетическом употреблении РаШИ становится техническим термином для определения «контекста» Писания.

наших учителей располагают их как если бы это были отдельные мидраши»¹.

Замечания такого рода, критика традиционных мидрашей нередко в экзегетическом корпусе РаШИ. Иногда на основании этого хотят видеть у РаШИ прагматическое стремление отдавать предпочтение толкованию типа *пешат* перед толкованием типа *дераш*, стремление подвести интерпретацию к буквальному смыслу в ущерб традиционному подходу. Но в действительности это не так. Тип «научных» толкований, обращающих внимание лишь на изъяснения исторические и грамматические, РаШИ использует, но это не является его целью. Это скорее будет целью его продолжателей, так называемых *паштаним* («буквалистов»): Йосефа Кара, РаШбаМа, Бекхор Шора и Элиезера из Божанси. То, что РаШИ разоблачает как крайности традиционных мидрашей, мидрашей на Кетубим, имеет характер атомического, фрагментарный. РаШИ не намерен вовсе отказываться от мидрашей. Как объясняется в этом отрывке, его цель, собственно – придать древним мидрашам последовательность, вернее сказать, «усадить» или «прикрепить» (*jshv*) их к собственному смыслу Писания, к его контексту и его порядку. В своем комментарии к Быт. 3:8 он объясняет, пожалуй, еще ясней: «Имеются, в этой связи, многие мидрашим аггадим, которые наши раввины уже собрали в их Берешит Рабба и в другие собрания мидрашей. Я, однако, озабочен лишь буквальным смыслом Писания и такой аггадой, которая определяет смысл слов Писания, так, чтобы каждое слово объяснялось в его контексте»².

Фактически, экзегезис РаШИ есть, в количественном отношении, гораздо более мидрашический, чем буквалистический. Весьма важно подчеркнуть последовательность экзегетического проекта РаШИ. Если нет «собственного смысла» текста на поверхности, смысла (кон)текстуального, не может быть и смысла «утонченного», «оборотной стороны» текста. Поэтому даже Песнь

¹ Комм. к Песни Песней, пролог.

² Комм. к Быт. 3:8.

Песней не может иметь аллегорических интерпретаций, лишенных буквального смысла.

Речь идет о том, чтобы различать два уровня интерпретации (буквальный и фигуральный), вовремя их координировать, вовремя устанавливать связь между ними. Таким образом, буквальное толкование текста (*neishat*) становится критерием убедительности для его традиционного (*дераиш*) толкования, практически становится для РаШИ критерием, на основе которого производится селекция древних мидрашей. Поэтому РаШИ полагает, что только та агада достойна уважения, которая определяет «смысл слова Писания», ценного в его контексте.

Сара Камин¹ в своей работе об экзегетическом методе РаШИ² продемонстрировала, что руководящим принципом учителя из Труа является не столько различие между *neishat* и *дераиш*, сколько их соединение через наложение «подлинное и систематическое» по фундаментальному закону Талмуда: «Нет Писания, которое отходит от своего простого смысла (*неишито*)»³. Согласно Камин, этот принцип понимается РаШИ в таком смысле: «Ни в каком месте Писания не может быть отвергнуто то, что оно говорит открыто в последовательности текста, который оно включает»⁴. Поэтому нельзя составлять мидраш, который отвергал бы открытый смысл Писания или отрывался бы от него, смысла, обнаруживаемого на поверхности, выясняемого из контекста. Это фундаментальное правило РаШИ цитирует по крайней мере четыре раза в своих комментариях, с некоторыми вариациями (Комм. к Быт. 12:2; 15:10; 31:17. Комм. к Лев. 25:15). В прологе комментария к Песни Песней он идет еще дальше, поскольку координирует свой комментарий с другим талмудическим принципом: «Одна-

¹ Сара Камин (ум. 1989) была доцентом Священного Писания и еврейской экзегетики в Еврейском Университете в Иерусалиме.

² Kamin, S. *Rashi's Exegetical Categorization* / S. Kamin. Jerusalem, 1978.

³ Шаббат, 63а. Йевамот, 11б и 22а.

⁴ Sonnet, J.-P. S. Kamin, *lectrice di Rashi* / J.-P. Sonnet // NRT. № 112 (1990). P. 236-249.

жды сказал Бог, и дважды слышал я это (Пс. 61:12)». Один и тот же отрывок Писания дает место множеству значений, однако из них нет ни одного, который уходил бы от своего собственного значения (*maimach*)¹.

Этот стих Псалтири – классическое место еврейской герменевтики для отстаивания возможности множества значений Писания². Изречение «один и тот же отрывок Писания дает место множеству значений» – определяющее в таком подходе. Писание есть слово Божие, потому содержит многие смыслы, не ограничивается единственным: это оправдывает всю свободу мидраша. Иначе говоря, имеется фундаментальный смысл, «собственный» и очевидный смысл текста в его контексте, который не может быть в противоречии ни с одним другим смыслом, «утонченным» или дополнительным. Оригинальнейшим образом комбинируя эти два талмудических принципа, РаШИ творит что-то вроде «квадратуры круга»: добивается сосуществования свободы мидраша со строгостью *neumat*. Допустима любая интерпретация, если только она «не уходит от своего собственного смысла»; и обратно, этот последний становится мерой соответствия, мерой сообразности для любой другой интерпретации.

«Соединение двух талмудических правил (обычно независимых) – из коих одно формулирует многообразие смыслов божественного слова, а другое это многообразие координирует с «контекстуальным» смыслом – осуществлено РаШИ в предисловии к его комментарию к Песни Песней, где представлен, так сказать, ключ к его экзегетическому проекту. Нет ни единого места Священного Писания, при объяснении которого традицией можно было бы отказаться от открытого смысла, зачеркнуть его»³

Действительно, РаШИ в своей экзегетической практике и в своем конкретном выборе является новатором. Не

¹ Санхеддрин, 34а.

² Другое классическое место для этого – Иер. 23:29, где слово Божие уподобляется молоту, разбивающему скалу, высекающему множество искр. См.: РаШИ. Комм. к Быт. 33:20 и к Исх. 6:9.

³ Sonnet, J.-P. S. Kamin, *lectrice di Rashi*. P. 240.

все то, что он нам предлагает как «агаду, определяющую смысл слов Писания», может оказаться ценным для нас. Но новаторство РаШИ открывает возможность разрешения проблемы экзегетического метода, который сохранял бы прежде всего целостность текста, защищая его традиционное прочтение, устанавливает порядок соединения двух интерпретативных моделей.

Как бы ни было, учитель из Труа оставил один урок, все еще актуальный для нас: РаШИ, «собственно, являет пример «прививания» традиционного рассуждения к «сказанному» в богодухновенном тексте»¹.

¹ Sonnet, J.-P. S. Kamin, *lectrice di Rashi*, P. 241.